

Откинувшись на спинку дивана, Лу Бинчэнь каждые несколько минут бросал взгляд на экран телефона.

Полчаса назад он отправил Руань И сообщение в Вэйсине: [«Скука смертная, нечем заняться. Хочу проветриться с тобой»].

Ответа до сих пор не было.

У двоюродной сестры Фан Чао сегодня была свадьба. В роскошном зале собрался весь цвет общества — от финансовой элиты до наследников старинных кланов. Повсюду перезванивались хрустальные бокалы, то тут, то там вспыхивали светские беседы.

Лу Бинчэнь давно привык к подобным приемам, однако сегодня его почему-то томило глухое раздражение. Еще перед отъездом Лу И заметил: «Там нет никого, перед кем тебе нужно выслуживаться. Будет тошно — покажись для приличия и уезжай». Но, помня, что это все-таки праздник семьи Фан Чао, Лу Бинчэнь решился: взял бокал вина и забился в самый тихий уединенный угол.

Цзян Цзяньяо подошел и негромко спросил:

— Скучаешь?

Едва уловимые взгляды гостей то и дело скользили в их сторону, и большинство из них притягивал к себе Лу Бинчэнь.

Девушка, общавшаяся с Фан Чао, сделала крошечный глоток шампанского и тоже не удержалась — скользнула взглядом по затененному углу:

— А кто это там?

— А, он? Мой приятель, — вспомнил предписания Цзян Цзяньяо Фан Чао и беззаботно ухмыльнулся. — Только он не из нашего круга.

В глазах девушки мелькнуло разочарование, но она, явно не желая верить на слово, переспросила:

— Правда? А выглядит очень внушительно.

«Внушительно» — это еще мягко сказано. Даже не произнося ни слова и просто сидя в тени, этот юноша излучал неоспоримую, давящую аристократичность. Его холодная, недостижимая и глубокая отстраненность превращала остальных наследников именитых родов, заполнявших зал, в блеклую и вульгарную массу.

Фан Чао отмахнулся от расспросов собеседницы и, держа в руке бокал, подошел к Лу Бинчэню:

— Брат Чэнь, ты бы знал, сколько девчонок только что пытали меня о тебе! Ты просил не раскрывать, кто ты такой... Сознайся, просто лень отбиваться от поклонниц?

Цзян Цзяньяо бросил на него короткий взгляд:

— Я же говорил тебе: Брат Чэнь сейчас не должен привлекать к себе лишнего внимания.

Прямой наследник старшей ветви клана Лу, единственный младший брат Лу И, молодой господин, которому в будущем суждено принять под управление половину империи Лу. Этот статус весил слишком много. Стоило Цзян Цзяньяо представить, какая буря поднимется в зале, узнай гости, кто перед ними, как к затылку подступал липкий холодок.

— Да ладно вам, — отозвался Лу Бинчэнь. — Ничего такого. Просто не охота связываться с лишней волокитой.

— Не охота, а все равно пришел поддержать меня. Вот это я понимаю — братское плечо! — Фан Чао чокнулся с ним бокалом.

Пусть Лу Бинчэнь и сохранял инкогнито, сам факт его присутствия уже был огромным одолжением семье Фан.

Лу Бинчэнь усмехнулся:

— Кончай паясничать.

Телефон в его кармане коротко звякнул.

Руань И прислал лаконичное: [□]

Лу Бинчэнь тут же набрал его номер. Дождавшись гудка соединительного сигнала, он негромко, с оттенком обиды проворчал:

— Ты почему только сейчас мне отвечаешь?

Фан Чао уже собирался отойти, но, услышав эту фразу, замер как вкопанный. Не говоря ни слова, он развернулся и уселся обратно на диван.

Будь у него на макушке кроличьи уши, они бы сейчас вытянулись в струнку.

Он выхватил смартфон и настроил Цзян Цзяньяо:

[Что за дела?! Офигеть, с кем это Брат Чэнь говорит? Что за девчонка на том конце?]

Цзян Цзяньяо: [...]

Фан Чао: [«Почему ты только сейчас мне отвечаешь?» — ведь он именно это сказал?! Я же не оглох?]

Фан Чао: [Ты вдумайся, ты только вдумайся в это!]

Фан Чао: [Столько капризных интонаций, столько затаенной обиды... И это наш Брат Чэнь! Ты сам-то веришь своим ушам?]

Фан Чао: [Я тебя спрашиваю — ты веришь?!]

Цзян Цзяньяо: [Брат Чэнь сидит рядом. Если хочешь перемывать ему косточки у всех на виду, сделай хотя бы не такое дикое лицо.]

Фан Чао прикинул, что тот прав. Он слегка откашлялся, придал лицу подобающую суровость и снова застучал по экрану:

[По-моему, все предельно ясно.]

[Брат Чэнь либо уже завел роман, либо вовсю ухлестывает за кем-то. В общем, суть одна.]

Цзян Цзяньяо отправляет единицу: [1]

[Ты чего не уходишь? Мать на тебя уже дважды с укором посмотрела.]

Фан Чао: [Не уйду. Пусть сама отдувается, меня отсюда и клещами не вытащишь.]

[Я просто сгораю от желания узнать, что за святая личность на том конце провода.]

[Если честно, я вообще никогда не понимал, почему Брат Чэнь ни с кем не встречается.]

[Тебе не кажется, что с его физиономией... если изъясняться поэтично, он выглядит холодным и роковым, а если на чистоту...]

[Типичный прирожденный бабник.]

Цзян Цзяньяо, едва сдерживая смех, снова отправил единицу.

Фан Чао: [Серьезно, чистейшая рожа бабника-манипулятора! И такой потенциал пропадает... Мне аж за него обидно.]

Цзян Цзяньяо: [Это сейчас считается за наезд?]

Фан Чао: [Для любого другого — наезд, а для Брата Чэня — констатация факта.]

Цзян Цзяньяо: [Искренне прошу прощения за то, что раньше недооценивал твой интеллект.]

Цзян Цзяньяо: [Забираю свои слова о том, что твой IQ не дотягивает до сотни.]

Фан Чао: [А вот это уже точно наезд?]

Цзян Цзяньяо: [Для любого другого — наезд, а для тебя — констатация факта.]

Фан Чао выслушивал подобные подколки лет десять подряд, так что отреагировал на них примерно так же, как на ежедневные домашние задания учителя — просто закатил глаза.

Фан Чао: [Как думаешь, Брат Чэнь ее уже добился или все еще бегают?]

Цзян Цзяньяо: [Кто знает. Но даже если пока не вместе, это лишь вопрос времени.]

Могущество семьи Лу было настолько подавляющим, что семьи Цзян и Фан, даже объединив усилия, не могли и близко с ними сравниться. Пожалуй, если собрать всех влиятельных гостей в этом зале и выстроить в цепочку, они едва ли достали бы семье Лу до плеча. Это означало одно: если Лу Бинчэнь положил на кого-то глаз, варианта «не получить желаемое» просто не существовало. И даже если им двигала лишь мимолетная блажь, пока он сам не потеряет интерес, человеку придется покорно оставаться рядом.

Цзян Цзяньяо убрал телефон, подал Фан Чао едва заметный знак, и они вместе направились к центру банкетного зала.

— Что стряслось? — Руань И толкнул дверь и вошел в квартиру.

В старом доме была скверная шумоизоляция. За окном хлестал проливной дождь; капли с такой силой барабанили по стеклу, словно этот шум отдавался прямо в барабанных перепонках, отчего голос Лу Бинчэня в динамике звучал смутно и глухо.

— Да ничего не стряслось. Просто захотелось поговорить с тобой немного. Ты поужинал?

— Еще нет, пока не хочется. Позже что-нибудь съем. — Руань И заглянул в холодильник. На счастье, там обнаружились две пачки замороженных пельменей.

Должно быть, их купила Вторая тётя, когда приходила навестить его в прошлый раз.

— И что ты собираешься готовить?

— Пельмени разогрею.

— Пельмени? — Лу Бинчэнь вспомнил, что Руань И вроде бы никогда особо их не любил. — Давай я попрошу, чтобы тебе привезли нормальной еды?

Из-за шума дождя этот голос отчего-то казался невероятно мягким и заботливым.

Порой Руань И казалось: то, что в прошлой жизни он искренне верил в чувства Лу Бинчэня, было не только плодом его собственного заблуждения. Когда Лу Бинчэнь задавался целью проявить к кому-то нежность, его забота становилась безграничной и невероятно чуткой.

На самом деле Руань И никогда не питал страсти к пельменям — не то чтобы он их терпеть не мог, скорее относился безразлично. Но поскольку в семье Второй тётки их обожали, ему часто приходилось уплетать их за компанию. Уже потом, когда они начали встречаться с Лу Бинчэнем, они как-то зашли в ресторан, славившийся своими фирменными пельменями. Владелец заведения, давний приятель Лу Бинчэня, подошел к их столику и стал расхваливать блюдо. Лу Бинчэнь лишь мягко улыбнулся и отказался: «Спасибо, не надо. Руань И их не любит».

Руань И тогда даже не понял, как Бинчэнь сумел это подметить.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Руань И ровным голосом ответил:

— Не нужно, я правда не голоден. Привезут еду — только переведу продукт.

— А я бы предпочел, чтобы ты его перевел, — с легким капризом в голосе буркнул Лу Бинчэнь.

Руань И внезапно вспомнил кое о чем и спросил:

— Слушай, ты знаешь такого — Чжан Цзымина?

Чжан Цзымин — таково было настоящее имя Брата Леопарда.

Перед тем как перевестись в Шестую среднюю школу, Лу Бинчэню предоставили подробную справку о всех сколь-нибудь значительных влиятельных группировках Янцина. Немного подумав, Лу Бинчэнь отозвался:

— А, эти... Их семейка держит подряды на земляные работы и вывоз строительного мусора.

В этой сфере обычно заправляют жесткие, пустившие глубокие корни местные дельцы. Руань И мгновенно оценил расклад:

— Понял, вопросов нет.

— С чего вдруг ты им заинтересовался?

Руань И, разумеется, не собирался посвящать его в проблемы Линь Хэлая, а потому лишь небрежно ответил:

— Да он учится в нашей параллели. Услышал, как ребята в классе болтают про него, вот и стало любопытно.

Его спокойный, прохладный голос прозвучал подобно весеннему ветерку, мягко коснувшемуся самых чувствительных струн в душе Лу Бинчэня.

На Лу Бинчэня внезапно накатил волна отчаянной, тоскливой нежности.

Он понизил голос до шепота:

— Руань И... Ты скучаешь по мне?

В динамике телефона едва слышно пробивалась изысканная музыка — переплетение виолончели и фортепиано. Руань И догадался, что Лу Бинчэнь находится на каком-то светском вечере. Судя по фоновому гулу, вокруг было полно народу. Но от мысли, что Бинчэнь произносит подобные слова прямо посреди пышной толпы, Руань И даже не удивился.

Лу Бинчэнь всегда отличался подобным своеобразием. И у него хватало привилегий, чтобы позволить себе эту роскошь. Неписанные правила и этикет того общества, к которому он принадлежал, не имели для него никакого значения: если ему не хотелось их соблюдать, он просто превращал их в шутку.

Лу Бинчэнь не сдавался, допытываясь с настойчивым упорством:

— Я вот очень скучаю. А ты? Неужели совсем не скучаешь?

Руань И безучастно проронил:

— У тебя всё? Если больше ничего нет, я положу трубку.

Хотя Лу Бинчэнь заранее догадывался, что не дождется ласкового ответа, его сердце все равно болезненно сжалось. Он с горечью осознал: любые попытки завести с Руань И разговор с намеком на романтику обречены — он ни разу не получил в ответ хотя бы капли тепла.

Оставалось лишь утешать себя привычной мыслью: что ж, по крайней мере, Руань И не отрезал сухим «нет». Отсутствие явного отпора — это уже шаг вперед.

Руань И положил трубку, медленно откинулся назад и замер на диване.

Он накрыл глаза ладонью. Одолеваемый тяжелой, мутной дремотой, он сам не заметил, как погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/20540/2131252>